

Сегодня мы представляем нашим читателям нового автора рубрики – Надежду Заянчаускене (Вильнюс).

Обнаружив на сайте «Берега Анграпы» сборник «Поэтическая мозаика» (Калининград, 2007), подготовленный Черняховским литературным объединением «Рассвет», она откликнулась рецензиями на стихи нескольких наших земляков. Мы публикуем первую из этих работ, которая посвящена Раисе Эйзенбейс, вместе с новыми стихотворениями поэтессы.

Ведущая рубрики
Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА.

Раиса ЭЙЗЕНБЕЙС
ГРОЗА

Я стою у самой кромки кручи,
Спрятавшись под острый козырек.
Надо мной, пыля, клубятся тучи,
У которых сто путей-дорог.
Подо мной раскинулась долина,
А по ней рассыпаны поля.
То живая, яркая картина,
Добрая и мирная земля.
Там, внизу, гуляет ветер шальной,
Вызывает на «кулачный бой».
Гром грохочет, как судья бывалый,
Обещает: будет «дождебой».
Вот стрела сверкнула и помчалась,
Но запуталась среди полей.
Туча почему-то рассерчала –

Кинула стрелу еще острей.
И, ударив в гонг раскатом грома,
Полыхнула молния огнем,
Превращаясь в маленького гнома,
Сиганула прямо в водоем.
Дождепад обрушился метелью –
Так давно земля его ждала,
Туча проскользнула легкой тенью,
Опустела, дальше поплыла.
Солнце осветило всю долину,
Коромыслом радуга легла.
Вот такую добрую картину
В капельках дождя унесла.

ДЕТСТВО

Детство мое – озеро
С чистой водой.
Окунусь я в озеро
Прямо с головой.
Воды в нем прозрачные –
Донышко видать,
Камешки янтарные –
Как мне их достать?
Солнце словно в зеркало
Смотрит с высоты.
Невозможно передать
Чувства красоты.

В нем лучи купаются,
Падая с небес.
Не бывает, не бывает
Детства без чудес...
Где ты, мое озеро
С чистой водой?
Не увижу я тебя,
Как свой дом родной.
Воды тиной стянуты,
Донца не видать,
Камешки лучистые
Скрылись – не достать...

Анатолий ЧАЙКА
Балтийск

Есть у России две беды,
И пусть не будут мерки строги:
Коль дураков хоть пруд пруди –
Есть матерьял мостить дороги.

Пусть всплывают дворцы
на российских полях,
Как чужие подводные лодки.
Заложили они не на тех стапелях:
Как «Титаник», и лодки, и шмотки.

«Глаза души на мир глядят...»

Да какая же это «проба»?! Это мозаика высокого качества! И, отложив на время свою, – ибо каждый из нас складывает ее ежедневно, – я обратилась к той, что сложена плеядой черняховских художников, – да не возражат они против этого слова. «Всматриваясь» в сложные, причудливые «узоры», вижу в мозаике этой бесконечное разнообразие, так что глаз не знает, на чем остановиться далее. Но вот... то ли я «повернула» ее, мозаику эту, какой-то гранью к солнцу, то ли лучсам упал на какой-то узор, то ли струнка задрожала – и вдруг плавно и мелодично пропелось: Раиса Эйзенбейс. Раиса Эйзенбейс... Что-то мистическое, высокогорное... Фамилия – созвучная цветку эдельвейсу, который, по легенде, приносят любимым лишь самые храбрые юноши, сорвав его высоко в горах. Дочь гор, спустившаяся в долины. «Легкая» – говорит ее имя. Но, быть может, греческий вариант тут ни при чем, потому что он предполагает еще и «покорность». Эта женщина без колебаний поспешит к вскипевшим от ярости мужчинам, чтобы бросить между ними свой ажурный платок! Я прикасаюсь к ее стихам с желанием, чтобы стена, отделявшая ее, стала вдруг

прозрачной и стала бы видна она, Раиса Эйзенбейс, в минуты творчества... Вы думаете, что шляпка, которую она держит в руках, – это ее головной убор? Нет! Это для нас, для долины. Для себя же у нее – снежные ткани, покрывало – цвета синих вершин! Потому что ее мягкие складки не мешают Раисе искать тот самый «ее клад», отыскать который – всепрежняя цель ее жизни. Потому что искать то, что она ищет, можно в одежде, но никак не в одежде. Раиса дает несколько завуалированное объяснение: русский язык. Но объяснение ли это? Она дает определение на языке долины: основа, мол! Но «ее» русский язык – это символическое «место» для поиска «клада» или инструмент? Найду ли ответ в ее стихах? Читать-то их надо, ни на минуту не забывая о том, что навеяны они горным ветром. Там, на узких тропках, должен быть выверен каждый шаг, и вот оно: ...От самого рождения Не спутать в жизни путь... И «небо – чистое», и «вода – похолодней» – отсюда: эта ледяная, низвергающаяся вода, вода «родины», появляющейся в стихах, оказывается, теплее дождей, которыми исхлестано одинокое дерево «на юру». О, эта удивительная открытость «всем

ветрам» и дождям, и беззащитность, и гордая, одинокая «явленность» на открытом возвышенном месте... А эта готовность: Что было судьбой предназначено, Должна я испытать все до дна. Ошибки мои не оплачены – Теперь оплачу их сполна... – и напоминание об «огромном терпении», которое надо «не забыть», – что они? Нет, не покорность это! Отнюдь! Ибо все противоречиво в «пленнице этого времени» – живет-то она «в другом измерении», и первый же «солнца луч» говорит ей о том, что на самом деле она свободна, и нет никаких «горя и напастей», – да разве вы не слышали слов, заключенных в одной строке, но вместившей большую мудрость: жить, «оставив заботы судьбе»? И какой вообще «отчет» за прошлые ошибки держать госте из «другого измерения», если даже в этом мире ликующая и смеющаяся волна «обещала: не будет беды»?! Какое прекрасное стихотворение «Когда приходит вдохновенье!» Здесь – ни одного сбоя ритма. А «Сулико» свободно может стать песней и летать над горами Кавказа, Где Кура бежит – вольный конь, Винограда сок – как огонь!..

Я позволю себе совсем маленькое замечание (автор, конечно же, вправе не принимать его во внимание!) – в этой строфе я заменила бы слово «как» на слово «что» (потому что и слово «сок» заканчивается на «к», и слово «как» начинается на «к», они сливаются, создавая некое «препятствие»): «Виноградный сок – что огонь!» Думается, что ни смысл, ни все остальное от замены не потеряли. Однако это только мое мнение... Раиса Эйзенбейс... Я хотела увидеть вас, но стена мастерской, за которой вы творите, вдруг осветилась «солнечным лучом», и на ней проступила ваша мозаика, сложенная из зеленой травы, ниточек дождей и всего того огромного количества «здесьних» предметов, называемых «бытовыми», но без которых в «этом измерении» – не обойтись. Ваша палитра несколько скупа: зеленый, синий, белый. Или сознательно сдержанна? Возможно, так бывает, когда «музыка в душе звучит»... Состояние же, когда «глаза души на мир глядят», – обещание нового роста.

Надежда
ЗАЯНЧАУСКЕНЕ.
Вильнюс. Октябрь
2009.

ЮБИЛЕЙ ВОЗРОЖДЕННОГО «РОСТКА»

В феврале общественная писательская организация «Росток» г. Советска отмечала свой день рождения – точнее, возрождения: в 90-е литературное объединение советчан на какое-то время прекратило свою деятельность. Однако после нескольких лет «перерыва», в 2000 году, оно возобновляет работу благодаря энергии и организаторскому дару Анатолия Грицука, ставшего его руководителем. Это был не «праздничный» праздник: «ростковцы» подготовили содержательный семинар – настоящую поэтическую учебу. В нем приняли участие представители Калининградского регионального отделения Союза писателей России (председатель Виталий Шевцов), музыкально-литературного клуба «Остров вдохновения» (г. Балтийск; председатель Михаил Сорин), Черняховского литературного объединения «Рассвет» (председатель Игорь Ерофеев).

Анатолий ЛУНИН
Калининград

А ШУТ СКАЗАЛ...

Казна – как вымел веник.
Царя утешил шут:
– Чем меньше в доме денег,
Тем меньше украдут.
Ты сказал, государь:
«Время лечит».
Это правда, никто не перечит.
От болезней и всяческих бед

Время лечит – да времени нет.

Царь польстил придворной даме:
– Вы не меняетесь с годами.
Шут, конечно, тут как тут:
– Да, глупость годы не берут.
Анатолий ГРИЦУК
Советск
Триптих

Сбылось-случилось счастье
(Нет повода тужить) –

В двадцатом веке частью И в двадцать первом жить. Несется звездный ветер, И я живу пока. На стыке двух столетий Спрессованы века.

Тропую каменистой За звонкою водой Идти походкой быстрой Горянке молодой. Там травы моют косы – Шумит, бурлит река... Что в Будущем? Что в Прошлом? Века, века, века...

Снегами отпорошен,

В крови минувший век. Я в Лету буду брошен – Отживший человек. Ответ же на вопрос мой Правдив наверняка: Все в беспределье просто – Как на весах века.
Анатолий ГАЛЕНКО
Калининград

Мы все об это, кажется, Не раз разбили лбы... Телега жизни катится Ухабами судьбы. Трясет ее, безвинную, – Попала не в струю. Но только я не выберу Другую колею.